

Рядом с маршрутами наших дневных прогулок есть черные зоны мира теней, откуда время от времени прорываются на свет посланники кошмара.

Говард Ф. Лавкрафт

Глава 1

Моторы, спрятанные в стальном брюхе парома, сотрясали многотонное судно мелкой навязчивой дрожью, и, ступив на нижнюю палубу, девушка почувствовала легкое головокружение. Предъявляя билет улыбчивому стюарду и взбираясь по узкой лесенке в салон, она уговаривала себя, что это ощущение надуманное — просто ей страшно плыть, она боится воды. «Но это же паром, а не океанский лайнер, не маленькая яхта в бурном море, не лодочка! Это все равно что морской трамвай! С трамваями никогда ничего не случается...» Однако предательская память услужливо подсказывала названия паромов, с которыми очень даже что-то случалось, и от этого Таня чувствовала себя пойманной в коварную ловушку. Целый час в пути! Целый час ей придется шелкать зубами и уговаривать себя не бояться, и к концу этого путешествия у нее будет совершенно дурная голова, и это сейчас-то, когда ей так нужно ясное сознание! Но другого пути, кроме как морем, с материка на остров не было...

А между тем в постепенно наполнявшемся салоне было очень уютно. Длинные полукруглые диванчики, рассчитанные на большие компании, столики перед ними, большой плазменный телевизор, по которому шел какой-то комедийный сериал, стойка бара в глубине, откуда уже отчетливо пахло кофе, — все это напоминало холл гостиницы среднего класса, а никак не общественный транспорт, каковым и являлся для местных жителей паром «Звезда Эвии». Таня

АННА МАЛЫШЕВА

устроилась на диване подальше от окон, в центре салона, с минуту пыталась сосредоточиться на экране телевизора, но так как сериал, естественно, шел по-гречески, отвлечь он ее не смог. В салоне уже было шумно — греки громко разговаривали, смеялись, узнавая знакомых, приветствовали друг друга, рассаживались стайками, готовясь к привычному путешествию. Между столиками уже поплыл табачный дым, бармен ставил на стойку новые и новые чашки кофе, по проходам с визгом бегали дети, у кого-то на руках посылывала мохнатая карманная собачка. Рядом с Таней уселись молодые греки, оживленно заговорили, не обращая на нее внимания. Внезапно ей показалось, что шум моторов как-то изменился — сделался мощнее и глубже. Вслед за этим она ощутила ровное покачивание, от которого ее сердце плавно опустилось в желудок и потом снова подскочило, подступив к самому горлу. Паром тронулся с места минута в минуту, попытка началась.

«Я не боюсь, бояться глупо. Я взрослая, самостоятельная, мне двадцать пять лет, я не боялась ничего, когда летела рейсом «Москва — Афины» и под моими ногами были тысячи метров высоты, хотя для того, чтобы разбиться насмерть, достаточно и десяти. Я не побоялась ехать сюда одна, я просто отпихнула всякую помощь, когда родственники и друзья предлагали составить мне компанию, расписывали, с какими трудностями я столкнусь... Они говорили, что если все это правда, то я не выдержу, от этого можно сойти с ума, но я настояла на своем. Поехала одна, потому что знаю — если это правда, ей все равно нужно взглянуть в глаза. И сделать это должна я одна. Уже через несколько часов, возможно, я увижу то, что они хотят мне предъявить... Вот что должно меня пугать, вот почему Наташка провожала меня с таким видом, будто я ложилась на опасную операцию! А я боюсь какого-то парома!»

Она заставила себя подняться, нетвердой рукой повесила на плечо ремень дорожной сумки. Другого багажа Таня не взяла — по ее расчетам, в Греции она должна была пробыть не больше двух дней. «Да я и не могу дольше, эта поездка вообще не планировалась, это похоже на какой-то

ГОРОД БЕЗ ПОЛИЦИИ

бред! Наташка, глупая, на прощание сказала такое, отчего я чуть в обморок не упала. «Ну, мол, если там все и неправда, то хотя бы в Эгейском море искупаешься!» Как будто после такого приключения у меня может появиться настроение купаться!»

Ее передернуло, и на этот раз уже не от страха перед плаванием — она отчетливо представила, что ей предстоит увидеть спустя очень короткое время. Как ЭТО будет выглядеть? Выдержит ли она такое испытание? Как она вообще решилась ехать одна, положившись на свои, прямо скажем, не слишком закаленные нервы? Думая об этом, она сама не заметила, как купила в баре банку газировки и машинально покинула прокуренный салон, отворив дверь в его конце. Очнулась Таня, только оказавшись на верхней палубе, куда ни за что не решилась бы выйти сознательно. Здесь было солнечно, очень ветрено, паром весело и уверенно пересекал пролив, отделявший остров Эвия от материка, очертания которого постепенно удалялись за кормой. Широкий пенный след тянулся за паромом, указывая пункт его отбытия — порт Рафину, белый маленький город на прибрежных холмах. Внезапно Таня осознала невероятное — она не боялась. Эта чистая палуба, залитая послеполуденным солнцем, старый грек, дремлющий на одной из скамеек, расставленных под тентом, дряхлая рыжая собака у его ног, поднявшая голову и уставившаяся на девушку с приветливой надеждой во взгляде, сине-белый флаг, плещущийся на ветру, — все это было таким мирным и спокойным, что исключало даже мысли о страхе. Она поставила сумку на скамью, открыла банку, сделала глоток, щурясь, оглядела сверкающий, серо-зеленый морской простор. Острова, всюду острова — слева, справа, впереди по ходу, за кормой — это море было невероятно населено.

«Совсем не страшно!» Она сделала несколько шагов и остановилась у поручней. Заставила себя взглянуть за борт и сделала глубокий вдох. Легкие наполнил морской ветер. Она поежилась — здесь было прохладно, октябрьское солнце больше светило, чем грело. Взглянула на часы — паром был в пути всего пятнадцать минут. Удивительно, но сейчас ей

АННА МАЛЫШЕВА

хотелось, чтобы это путешествие продолжалось как можно дольше. Она впервые начала осознавать, что ее ждет в пункте назначения, к которому «Звезда Эвии» должна была прибыть через очень короткое время. Где-то в недрах этого солнечного осеннего дня притаился ночной кошмар, и кошмар этот предназначался для нее. Ей вспомнилась фраза матери — она прозвучала вчера, когда Таня по телефону пыталась объяснить, отчего не вправе проигнорировать этот безумный звонок из Греции, почему должна обязательно поехать, довериться совершенно незнакомым людям, бросить на произвол судьбы спешную работу, простуженного мужа, пустить по ветру взятые на себя обязательства, и главное — отменить намеченный на завтра праздник, свой двадцать пятый день рождения. Вот это было очень трудно объяснить, потому что мама, в отличие от разочарованных друзей, которые уже знали, что праздника не будет, не удовлетворилась простыми извинениями.

— Отлично! — с горькой иронией заметила она, выслушав сбивчивые восклицания дочери. Таня так волновалась, что сама понимала — из ее объяснений получилась какая-то невразумительная труха. — Ресторан уже заказан и оплачен, все купили тебе подарки, я уверена, что многие даже и букеты приготовили, а ты мило делаешь всем ручкой и улетаешь в Грецию. И если бы еще отдохнуть! И где же ты встретишь день рождения? На кладбище или в морге — куда там тебя пригласили?

— Мама, я не могла просто послать их к черту и сказать, что меня все это давно не касается, — не слишком уверенно отвечала Таня, вполне понимая справедливость упреков. — Конечно, у меня теперь другая жизнь, и я даже стала забывать Пашу... Но ты понимаешь, что-то все равно остается... Я должна ехать.

Тогда мать и сказала то, что звучало в ушах у Тани еще долго — всю последовавшую за безумным днем ночь, все утро, пока она ехала в аэропорт, проходила регистрацию, таможенный контроль, все время в полете, пока она пыталась смотреть по телевизору в салоне фильм о жизни медведей

ГОРОД БЕЗ ПОЛИЦИИ

гризли и читать купленный впопыхах журнал, который целиком оказался посвящен санному спорту... Мать сказала:

— Живым нужно жить, а тебя тянет заглянуть в могилу. Даже если там Паша, ничего это не изменит. Пусть этим занимается полиция, ты-то здесь при чем?

«Живым нужно жить. — Она заворуженно смотрела на пенный шлейф, тянущийся за паромом. — Прошло четыре года, и я давно перестала вспоминать о нем каждый день, как в первое время... Тогда все вздрагивала, ждала звонка по телефону, в дверь, ночью могла спуститься на первый этаж и заглянуть в почтовый ящик — нет ли письма? Потом смирилась, каждый день мне становилось легче, каждый день как будто что-то отрывал от прошлого и уносил прочь. Я снова увидела мир вокруг, почувствовала вкус к жизни, захотела смеяться, развлекаться, встречаться с людьми. Мне был всего двадцать один год, а это, как выяснилось, лучшее лекарство от ипохондрии. И жизнь продолжалась, и я почти забыла... Живым нужно жить, я и жила, а если вспоминала о том, что случилось, то уже без боли. Да ведь я и не знала, что с ним случилось, куда он пропал!»

Очертания материка за кормой становились плоскими, все более похожими на задник декорации, маленькие городки на побережье казались россыпью белого риса, небрежно брошенного чьей-то гигантской рукой. Таня обернулась к носу парома и постаралась разглядеть остров, куда они держали путь. Вон она, Эвия, — синеватая гряда холмов, пока еще задернутая легкой дымкой, словно серым блестящим тюлем. Terra incognita, неведомая земля, о существовании которой она недавно еще не подозревала.

Таня узнала о том, что на свете есть такой остров, пять дней назад, рано утром в понедельник. Собираясь на работу, она пыталась одновременно высушить феном волосы, поймать прогноз погоды по телевизору и накормить упорно трущегося о ее голые ноги кота. Иван уже уехал, на прощание выругав ее за то, что заставила себя дожидаться и все равно не собралась вовремя — теперь из-за нее он,

АННА МАЛЫШЕВА

как пить дать, застрянет в пробках и попадет в свой офис часам к одиннадцати.

— Чтобы я еще тебе поверил! Минуточку, секундочку, уже готова... — передразнил он жену. — Вставай уж тогда в пять утра, чтобы действительно успеть выйти в восемь!

Таня не возражала, сознавая, что сама кругом виновата. Закрыв за ним дверь, она снова включила фен, вытряхнула коту в миску полбанки консервов, косясь в телевизор и боясь пропустить завершение программы новостей. Юрий Долгорукый — так они прозвали кота за склонность к воровству — с жутким утробным урчанием набросился на еду, сотрясаясь всем своим ожиревшим, совершенно круглым телом. Таня взяла пульт, чтобы переключить канал (по этому новости каким-то мистическим образом уже закончились, хотя она глаз с экрана не сводила), одновременно выключила фен и тут в кратковременно наступившей тишине различила негромкий звук, от которого ее передернуло. Где-то в квартире глухо, словно пробиваясь сквозь плотную упаковку, звонил телефон.

«Пашин» телефон. Давно уже немодный аппарат, купленный пять лет назад (тогда-то это был писк моды), запертый в ящике комода, среди древних счетов за квартиру и электричество, которые Таня отчего-то не могла собраться выбросить, вороха таких же допотопных поздравительных открыток (там были даже раритеты ее школьных лет) и клубки смятых фотопленок, с которых явно было невозможно напечатать ни одного приличного кадра. Все в этом ящике отжило свой век, все годилось только на выброс, и Таня открывала его только раз в неделю, по установившейся привычке, затем чтобы извлечь и подзарядить телефон, отключить который навсегда у нее не поднималась рука. Этот номер знали только те люди, которые общались с Таней четыре года назад, да и то (она была уверена) многие его давно забыли. Она поменяла номер вскоре после того, как Паша исчез из ее жизни, сменила и аппарат. Старый хотела было подарить кому-нибудь, но потом передумала и оставила — на всякий случай. На его счету было около пяти долларов. Зарядки один раз в неделю не хватало, те-

ГОРОД БЕЗ ПОЛИЦИИ

лефон отключался, но чаще возиться с ним Таня не видела смысла. Если первое время после исчезновения Паши телефон просто раскалялся от звонков, то теперь у всех старых абонентов был ее новый номер. Остался только один человек, который его не знал и мог позвонить по прежнему... Сам Паша. Собственно говоря, девушка потому и возилась с бесполезным аппаратом, что надеялась — настанет день, и у нее будет возможность все высказать своему прежнему возлюбленному. У нее и речь была заготовлена, правда, за годы она подверглась основательной редактуре. Сперва она была гневной и истеричной, потом превратилась в поток слезливых упреков, затем в ней появились нотки злорадства: «Как видишь, я не пропала без тебя!» Если бы Паша позвонил сейчас, Таня говорила бы с ним, скорее всего, как с духом, явившимся на спиритическом сеансе. Интересно, конечно, что с ним стало, но к ее нынешней жизни это никакого отношения не имеет... Она бы только упрекнула его за то, что он устроил своей матери и сестре — Наташке до сих пор выглядела какой-то пришибленной и ждала чудесного возвращения брата. А тот (Таня уже была в этом уверена) отлично устроился где-то за границей, а домой не звонил потому, что с каждым днем это становилось для него все более трудным. А оставшиеся там люди — все более далекими. Тысячи молодых мужчин, уехавших из дома на временные заработки, поступают так же, а потом только пожимают плечами, узнавая, что о них плакали, их искали.

И вот сейчас, после четырехлетнего перерыва, телефон настойчиво звонил. Таня выключила телевизор, отпихнула босой ногой кота, требовавшего добавки, и крадучись, словно телефон мог услышать ее шаги и ударить из ящика, приблизилась к комоду, стоявшему в глубине длинного коридора. Телефон звонил — упорно и требовательно, Таня слышала давно забытый сигнал — примитивную трель канарейки (тогда в моде были такие, сложная полифония появилась куда позже).

Девушка рывком открыла ящик, схватила вибрировавшую трубку и, нажав на кнопку ответа, ответила резким, возбужденным «алло!». После секундной паузы ей отозвалась

АННА МАЛЫШЕВА

женщина. Ее голос был Тане незнаком, да та и сама тут же заявила, что звонит по чужому поручению. Она переводчица, звонит из Греции. С острова Эвия. Таня прикрыла глаза, словно от резкого яркого света. Странно — та женщина не успела еще сказать ничего тревожного, а она уже поняла, что с Пашей что-то случилось. Нечто куда более худшее, чем провал в памяти.

— Этот телефон, — чуть запинаясь, не слишком уверенно говорила женщина, — каким-то чудом нашли в частной гостинице, где он остановился, когда сюда приехал. Он ведь вам звонил?

— Четыре года назад, — согласилась Таня. — Звонил, когда прилетел в Афины, верно, и потом еще один раз.

— Вы знаете, о ком я говорю?

— Ну разумеется. — Таня подобралась — голос женщины зазвучал как-то странно, словно та вдруг перестала ей доверять. — Я знаю. А где он? Что с ним?

Помявшись, женщина сообщила, что с уверенностью пока ничего сказать не может — полиция тоже ни в чем не уверена. Но, похоже (теперь она говорила заговорщицким тоном), что этого человека уже нет в живых. Весь дальнейший разговор проходил как-то странно, будто урывками, — обе собеседницы явно рассчитывали, что каждая из них знает больше, чем говорит. В конце концов, Таня поняла — звонившая не имеет понятия даже о том, как зовут Пашу. Она знала лишь то, что он русский, приехал вроде бы из Москвы, и было это...

— Четыре года назад, — взволнованно говорила женщина, назвавшаяся Ольгой. — Я сама приехала в Грецию пять лет назад, из Питера, и знаете, тут мне не с кем было говорить по-русски... Вы меня хорошо понимаете? Вы понимаете, что его нужно опознать?

— То есть приехать, — кивнула Таня. Она давно уже перешла с телефоном в спальню и теперь сидела на краю разобранной супружеской постели, бессознательно поглаживая босой ногой примчавшегося с кухни кота. Чувствовала она себя как-то непонятно — будто под легким кайфом или после двух-трех бокалов шампанского. Мысли слегка пута-

ГОРОД БЕЗ ПОЛИЦИИ

лись, голова была будто не своя. Никакого горя или страха она не ощущала. — Хорошо. Я передам его родственникам. Оставьте свои координаты.

— А... Вы кто ему? — осторожно поинтересовалась Ольга.

— Бывшая подруга, — с удивительной легкостью ответила Таня и сама поразилась тому, как мало значили для нее теперь эти слова. — Кстати, что значит опознать? Что с ним конкретно случилось?

И тогда собеседница сообщила ей новость, от которой у нее даже крохотные волоски на руках мгновенно встали дыбом.

— Его, то есть не его, а кого-то, нашли в чужой могиле, — заявила Ольга. — Ее только на днях вскрыли, а похороны были четыре года назад. Там оказалось два покойника, понимаете? Один, кажется, ваш, во всяком случае, похоже на то. Никто из местных не пропал, а вот четыре года назад к нам в Мармари действительно приезжал какой-то русский мужчина и потом вдруг исчез. Его вещи до сих пор хранились в той гостинице, только документов там нет. Думали, он просто куда-то уехал, а сумку бросил.

Таня ответила молчанием, и Ольга несколько раз прокричала в трубку «алло!». Потом слышались короткие резкие помехи, и телефон в руках у девушки внезапно умер. Она попыталась перезвонить и тут же поняла, что заграничный входящий звонок просто-напросто съел небольшую сумму на счету. Но это было и к лучшему — у нее появилось время, чтобы собраться с мыслями. Она переписала в записную книжку номер Ольги и решила перезвонить ей вечером, когда примет какое-то решение. А решать было что, и даже очень.

Они с Пашей не были супругами в строгом, официальном смысле этого слова, хотя оба считали, что все у них очень всерьез. Идти в загс и оформлять свои отношения никто из них не собирался, а Таня даже суеверно боялась этой казенно-пафосной церемонии. Так сложилось, что все ее подруги, которые побывали в загсе и сыграли пышные свадьбы, с треском развелись через год-другой, а вот те, которые просто жили со своими парнями, ведя общее хозяйство и не думая о штампе в паспорте, благополучно сохраняли отношения.

Танины родители тоже ее не торопили со свадьбой, молчаливо разрешая «ребенку» поиграть во взрослую жизнь. Ей было всего двадцать лет, когда она познакомилась с Пашей, ему — двадцать три. Сейчас, оглядываясь на себя прежнюю, она сама видела, как наивно и упрощенно смотрела на мир, сколько не понимала и не принимала во внимание, скольких неприятностей избежала только в силу слепого везения, которое иногда хранит детей...

«И дураков! — мысленно заключила она, подводя итоги своего давнего романа. — Ведь я тогда не поехала с ним в Грецию по чистой случайности, даже не потому, что меня отговаривала мама, а из-за паспорта — в нашем ОВИРе был страшный сезонный аншлаг, а на взятку денег не было, вот я и осталась с носом! Паша так расстроился, даже надулся на меня, будто я это подстроила... Глупо. Простились тоже как-то нелепо, по телефону, я опоздала в аэропорт, автобус сломался, мы стояли на шоссе, я звонила Пашке на мобильный, а тот в это время уже проходил паспортный контроль, и ему было не до нежностей... А потом и вовсе не отвечал, хотя я посчитала, что он гулял по «зеленой» зоне еще часа полтора, пока я, как идиотка, маялась в общем зале и пыталась его разглядеть... Вечером позвонил из Афин, сказал, что долетел, а на другой день был последний звонок, тоже какой-то нелепый... Он так орал и нервничал, будто это я звонила ему и попала некстати, я попросила его успокоиться и продолжать в другом тоне, он обозвал меня истеричкой и велел что-то передать сестре... Не помню что, какую-то чепуху. Сам он почему-то не мог дозвониться до Наташки, и выглядело все так, будто я ему нужна только в качестве посредника. Самое смешное, что в тот день я звонила в ОВИР и там каким-то чудом взяли трубку и сообщили, что мой паспорт готов, только что сделали, могу забрать его прямо сейчас. Я сказала это Паше, он буркнул «поздравляю», но речи о том, чтобы я прилетела в Грецию, догнала его, не было... да я уже и не хотела туда ехать. В самом деле, дикая затея — какой-то его приятель там устроился, зовет к себе подзаработать, мне тоже найдется занятие, шикарный климат, приличные деньги, вернемся загорелые, красивые,

ГОРОД БЕЗ ПОЛИЦИИ

купим машину... Мама встала стеной — не пушу, тебя продадут в бордель, папа имел разговор с Пашкой и, по-моему, даже пригрозил, чтобы он не сбивал меня с пути истинного... А я сама не знала, хочу ехать или нет. Мне было как-то не по себе, не тянуло туда и все. Может, ангел-хранитель что-то нашептывал? Во всяком случае, я из-за своего паспорта не очень расстроилась, Пашке не завидовала и вообще ничего этого всерьез не приняла. Это потом, когда он пропал, до меня дошло, чем могла для меня закончиться эта поездка... Наверное, я сразу повзрослела на несколько лет — все заметили, что я стала другой. Мама боялась, что я впала в депрессию, все время пыталась мне внушить, что с Пашей ничего не случилось, что он жив-здоров, это просто его юношеское легкомыслие, и тут же осекалась — ведь тогда получалось, что он меня бросил, как старую тряпку. Но никакой депрессии у меня не было. Я просто вдруг начала думать о людях, которые меня окружали, присматриваться к ним и впервые поняла, что каждый человек загадочен и непредсказуем. Даже Пашка. Даже Наташа, а уж существа проще и понятней трудно сыскать! И... Я сама, конечно».

За ее спиной отрывисто, возбужденно гавкнула собака. Таня встрепелась, словно разбуженная, и с трудом оторвалась от созерцания островков, плывущих далеко за бортом в солнечной дымке. Обернувшись, она увидела, что старый грек отвязывает своего пса от ножки скамьи, и одновременно услышала, что гул мощных моторов у нее под ногами стал каким-то хриплым и напряженным, словно паром собирался откашляться. «Прибыли? Уже?» — Она взглянула на часы. Путешествие, которое так ее пугало, заканчивалось, до конечного пункта — рыбацкого городка Мармари — оставались считанные минуты. Таня перебежала на нос парома и остановилась, жадно оглядывая панораму берега, открывшуюся перед ней прямо по ходу парома. Весь городок можно было охватить одним взглядом — двух-трехэтажные дома тесно выстроились на берегу плечом к плечу, словно готовились станцевать сиртаки. Перед ними, уже у самой воды, тянулся ряд уличных кафе и лодочных при-

чалов. Выше, на склонах холмов, виднелся десяток-другой домов покрупнее, более затейливой архитектуры, похожих на небольшие отели. Гряды холмов венчал ряд ветряных мельниц, которые, как уже успела заметить Таня по дороге из афинского аэропорта в Рафину, служили в Греции необходимой деталью пейзажа. А выше было только небо — синее, глубокое, какое-то искрящееся, совершенно незнакомое и непохожее ни на одно из тех небес, которые до сих пор доводилось видеть девушке. Она вдыхала легкий, тоже как будто искрившийся воздух, разглядывала маленькую, плавно приближавшуюся пристань, пытаясь угадать, какая из видневшихся на ней фигурок встречает ее, и вдруг поймала себя на мысли, что снова умудрилась забыть о цели своей поездки. «Наверное, греческий воздух действует на меня отупляюще, надо встряхнуться!» Она заглянула в сумку, проверила наличие кошелька, бумажника с документами, поворошила вещи. Собралась она на рассвете, в спешке, ничего не зная о погоде, которая ее ожидала, — прогноз погоды, как всегда, ускользнул от ее внимания. Здесь в конце октября ее встречало солнце и воздух, прогретый до двадцати градусов, зеленые деревья и лазурное море, при взгляде на которое у любого москвича явилось бы страстное желание искупаться... Только не у нее. Таня не купалась с тех пор, как едва не утонула в реке неподалеку от дачи, где они с Пашей проводили каникулы. Вид воды с тех пор вселял в нее какой-то тяжелый, давящий ужас, справиться с которым ей так и не удалось.

Приблизившись к пристани вплотную, паром угрожающе зарокотал и остановился. К нему подошел молодой парень в небрежно наброшенной форменной куртке, поймал брошенный с борта конец, продел петлю в полосатый столбик на пристани — несложная швартовка была окончена. Откинулись стальные сходни, и по ним из чрева парома поползли машины и мотоциклы. Пожилой грек с собакой спустился на нижнюю палубу, Таня последовала за ним, разглядывая его загорелую морщинистую шею и слегка робея перед этим маленьким светлым городком, выглядевшим

ГОРОД БЕЗ ПОЛИЦИИ

так мирно и безмятежно, словно в нем отродясь ничего не происходило. И все же, именно здесь...

Ее встречали — она сразу увидела у выхода миловидную блондинку лет тридцати, в джинсах и красном бумажном свитере, державшую в руке плакат с одним только словом «Татьяна». Таня подошла к ней и поздоровалась. Та кивнула и неуверенно улыбнулась, словно сомневаясь, уместна ли улыбка в такой щекотливой ситуации:

— Самолет опоздал? Я встречаю уже второй паром сегодня.

— Нет, это я задержалась, — призналась Таня, чуть смутившись. — Попросила таксиста провезти меня через центр Афин, хотела посмотреть на Акрополь. Позвонить вам не могла — мой телефон тут не работает. Не знаю даже, как связаться с домом. Мои ждут звонка.

— Надо будет купить вам местную карту. — Ольга взглянула на ее скромный багаж. — Сумка не тяжелая? До отеля минут пятнадцать пешком, но я могу туда позвонить, и нас подвезут...

Таня заверила, что это лишнее. Ей хотелось рассмотреть поближе этот город, который нравился ей все больше и больше. Он был такой маленький, как будто нарисованный на фоне холмов старательным ребенком, такой чистенький, такой уютный и на удивление домашний. Вот толстая гречанка в ситцевом халате вышла из крохотного магазинчика, пересекла улицу, взяла из холодильника, стоявшего на обочине, бутылку воды и что-то гортанно крикнула парню, скучающему за прилавком прибрежного открытого кафе. Тот лениво ответил, провожая взглядом проходивших мимо Таню и Ольгу. Гречанка, исчезая в дверях магазинчика, обернулась и тоже взглянула в их сторону, в основном на Таню. Та не сдержала улыбки:

— Похоже, я привлекаю внимание? Почему?

— Да ведь это деревня, — добродушно пояснила ее спутница. — Здесь каждое незнакомое лицо на виду, тем более сезон уже закончился, туристов нет. Остались только свои, местные.

АННА МАЛЫШЕВА

— И сколько их тут, своих? — любопытствовала девушка.

— Три тысячи.

— Три?! — Таня даже приостановилась. — Не может быть! Это же всего семь-восемь девятиэтажных домов, а тут целый город!

— Так то в Москве, — засмеялась Ольга. — А здесь у каждого свой дом, многоэтажных нет. Сколько домов — столько семей. У каждого машина, у каждого — лодка. Выше, — она указала на холмы, — отели, сейчас они пустые. Отдыхающие приезжают в основном из Афин, но бывают и немцы, и итальянцы. Русские туристы этого места не знают.

— Получается, все-таки знают, — сразу помрачнела Таня, и Ольга дипломатично замолчала. Некоторое время они шли молча, и Таня все больше начинала чувствовать тяжесть повисшей на плече сумки.

Прибрежные кафе тянулись сплошной чередой и были похожи друг на друга как две капли воды — десяток пустых столиков, лодки у причала, холодильник с напитками на обочине проезжей части, барная стойка с кофеваркой или киоск с мороженым. Посетителей не было нигде, владельцы тоже куда-то скрылись, бросив свои заведения на произвол судьбы. Прохожих на единственной улице не было, синие и зеленые ставни на фоне белых стен были большей частью закрыты, и у Тани появилось ощущение, что городок попросту спит. Ольга будто прочитала ее мысли:

— Сиеста. До шести тут жизни нет. Впрочем, и после шести мало что происходит!

В ее голосе послышалась плохо скрытая ирония. Таня с удивлением подняла на нее взгляд. Городок настолько заворожил ее именно этим своим безлюдьем и какой-то сказочной тишиной, что она не понимала, как можно над ним смеяться.

— Если бы я не ездила в Питер раз в полгода, наверное, сошла бы с ума, — продолжала жаловаться соотечественнице Ольга. — Меня там не понимают — живу в раю, муж, ребенок, работать никто не заставляет, чего мне еще надо? А я, как вечер придет, прямо выть готова! Выучилась тут водить